

ИСТОРИЯ

УДК 94(37).07

НЕРОН И СТАТУС БОСПОРА В РИМСКО-БОСПОРСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

© 2012 г.

А.Р. Панов

Арзамасский государственный педагогический институт им. А.П. Гайдара

panov_alexandr@mail.ru

Поступила в редакцию 12.07.2012

Анализируется положение Боспорского царства в период принципата Нерона в Риме. Как показывают нумизматические данные, с 63 г. статус Боспорского государства стал приближаться к провинциальному, что было результатом римского воздействия. Автор полагает, что для Нерона в последние годы его правления основной задачей стало поддержание своего авторитета за счет внешнеполитических побед, и римская политика на Востоке активизировалась. Расширение римской державы могло укрепить позиции императора в Риме, и одной из жертв такой политики должно было стать Боспорское царство. Делается предположение, что готовилось превращение Боспора в провинцию в ходе восточного похода Нерона, однако поход не состоялся, что обеспечило сохранение Боспорского государства.

Ключевые слова: Римская империя, Боспорское царство, Нерон, Котис.

Боспорское царство, вступившее в контакты с Римом в первой половине I в. до н.э., на протяжении нескольких последующих столетий во взаимоотношениях с Римской империей оставалось более слабой и зависимой стороной, сохранение государственности которой зависело от римской воли, и на годы правления Нерона как раз приходится период, когда Боспор, очевидно, находился на грани потери своего статуса самостоятельного государства.

К началу принципата Нерона в 54 г. боспорский престол занимал царь Котис, оказавшийся у власти благодаря римской поддержке, которую римляне оказали ему в ходе боспороримской войны. Данный конфликт развернулся во второй половине 40-х гг., и в нем римлянам и Котису противостоял брат последнего Митридат, бывший тогда боспорским царем, причем исходным толчком для этого противостояния послужило обращение Котиса к римлянам: по словам Диона Кассия в изложении Петра Патриция, «Митридат стал готовиться к войне с римлянами... с целью скрыть свои намерения... отправил своего брата Котиса послом к Клавдию с поручением передать ему дружественные заверения. Котис, злоупотребив оказанным ему как послу доверием, донес обо всем» (Dio Cass. LX. 28. 7; Petri Patric. Fr. H. Gr. IV. 185. fr. 3).

Бесспорно, обстоятельства прихода к власти наложили заметный отпечаток на последующее положение Котиса в его взаимоотношениях с Римом, и его статус как зависимого от римлян правителя нашел полноценное отражение в сохранившихся нумизматических и эпиграфических источниках. Так, на монетах Котиса изображены почетные дары римлян, посылавшиеся чужеземным царям, утвержденным Римом [1, р. 28–29]. Хотя не исключено, что кто-то из предшествующих боспорских царей получал римские дары [2, с. 101], но только Котис поместил их изображение на монетах, что иллюстрирует значение, которое придавал царь акту утверждения своей власти римлянами. Кроме того, по сравнению с более ранними боспорскими монетами при Котисе со статов исчезло изображение царя, а его имя и титул стали заменяться монограммой. На золотых монетах изображались император и члены его семьи (Клавдий, Нерон, Британник, Агриппина). В медной чеканке также весьма заметно проявилось римское воздействие – Котис помещал на меди портреты императоров и императриц, дополненные соответствующими надписями. Поскольку в античную эпоху чеканка монет была одним из выражений государственного суверенитета, то изменения в монетном деле отражали

не только экономические, но и политические процессы в том или ином государстве.

Судя по данным эпиграфики, Котис именовался Тиберием Юлием (Корпус боспорских надписей. 69) и, значит, имел римское гражданство, поскольку незаконное присвоение римских имен считалось тяжким преступлением вплоть до издания эдикта Каракаллы 212 г. Как известно, полное имя Клавдия как императора было Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик. Соответственно, Котисом стало использоваться первое имя своего римского покровителя. Относительно второй части имени полной ясности нет, но, возможно, имя Юлий царь мог получить по фракийской линии от матери [3, с. 172]. С этого времени для боспорских царей становится традицией использование римского имени, хотя среди восточных правителей это было не особенно распространено [1, р. 45–46]. Еще одним нововведением стало включение в титулатуру звания «пожизненный первосвященник августов» (ἀρχιερεύς) (Корпус боспорских надписей. 41), что означало личное участие царя в отправлении культа императора на Боспоре, причем введение данного культа, скорее всего, следует датировать правлением Котиса. Разумеется, для Котиса и его преемников, также становившихся архиереями, участие в жертвоприношениях императору было важно не как религиозное действие, а прежде всего как политический жест, свидетельствующий о лояльности к Риму. Более того, по мнению М.И. Ростовцева, использовавшийся Котисом эпитет «благочестивый (εὐσεβής)» также может быть связан с проримской ориентацией его носителя и быть указанием на отношения пиетета, связывавшие царя-клиента и патрона-императора [4, с. 185]. После смерти Клавдия Котис свою преданность императору перенес на фигуру Нерона. В 58 г. Котисом была установлена статуя Нерона, причем в надписи он обозначает императора как «своего спасителя и благодетеля (σωτήρα καὶ εὐεργέτην)» (Корпус боспорских надписей. 41).

Приведенные данные показывают, что у Котиса ярко выраженная проримская ориентация, граничившая с сервиллизмом, сложилась еще в 40-е гг., и в дальнейшем каких-либо попыток боспорского царя отойти от выбранного политического курса не просматривается.

С другой стороны, в первой половине правления Нерона в центре внимания римлян на Востоке находилось Армянское царство в связи с проходившей там военной кампанией. Помимо Армении и Рима в этом конфликте были задействованы Парфия и Иберия: сведений о каком-либо участии Боспора в данной войне нет, и это обстоятельство, а также отсутствие упоми-

наний о Боспорском царстве в нарративных источниках применительно к 50-м – началу 60-х гг. дают возможность предположить, что римляне тогда в малой степени интересовались боспорскими делами, тем более что пребывание у власти в высшей степени лояльного Котиса должно было создавать уверенность в том, что Боспор прочно остается в сфере римского влияния.

Ситуация начинает меняться лишь в начале 60-х гг., когда происходят изменения в общем внешнеполитическом курсе Нерона, что, безусловно, повлияло и на римско-боспорские отношения. Пик активности римлян в Армении пришелся на 62 г., что выразилось в отправке туда нового военачальника – Цезенния Пета (Tac. Ann. XV. 6; Dio Cass. LXII. 20. 4), заменившего ранее действовавшего на этом направлении Корбулона, который был более склонен к компромиссу в решении армянской проблемы. Пет и, следовательно, стоявший за ним Нерон были настроены воинственно, что трактуется как стремление к отказу от неудачной формы управления Арменией через зависимых царей и курс на превращение Армянского царства в провинцию [5, р. 558; 6, с. 81]. Однако, вопреки римским ожиданиям, кампания 62 г. завершилась Рандейской катастрофой: армия Пета капитулировала, римлянам пришлось согласиться на передачу Армении парфянскому царевичу Тиридату, и с определением, которое Тацит дает этому соглашению – «бесславный мир (pax inhonesta)» (Tac. XV. 25), – нельзя не согласиться.

Можно предположить, что именно эта неудача в Армении стала переломным моментом во внешнеполитической деятельности Нерона. Последующие годы принципата Нерона отмечены заметным повышением интереса императора к военной и внешнеполитической сферам, истоки чего нужно искать в итогах армянской кампании 62 г. Фактическое поражение римлян в Армении было серьезнейшим ударом по авторитету императора, в чьем ведении находились все вооруженные силы Римской империи. С установлением принципата определение внешнеполитического курса стало прерогативой императоров, и победы в этой сфере, как дипломатические, так и военные, стали служить средством укрепления авторитета принцепса. Основатель нового режима Август стал в этом отношении для своих преемников образцом для подражания, поскольку вся целенаправленно ведущаяся при нем пропаганда (монеты, поэзия, триумфы и т.п.) была нацелена на возвеличивание военных успехов принцепса [7, р. 188–190]. Для императоров была крайне важна демонстрация своих успехов в деле укрепления и расширения римской державы, и пренебрежение вопросами

внешней политики могло привести к ослаблению их позиций в Риме. Пожалуй, именно в подобной ситуации в начале 60-х гг. оказался Нерон, который к тому времени не успел заработать каких-либо военных лавров, и на фоне событий в Армении ему крайне важно было реабилитироваться и переломить общественный настрой в Риме в свою пользу: несмотря на все свои отклонения от традиционно принятой в римском аристократическом обществе модели поведения, Нерон должен был хорошо сознавать, что внешнеполитические поражения подрывают его престиж.

После 62 г. Нерон проявляет явную активность по части создания в глазах римского общества привлекательного образа императора, увенчанного лаврами военных успехов и внешнеполитических достижений. В рамках этой политики можно выделить два основных направления деятельности, которые были связаны друг с другом и нацелены на достижение указанной задачи.

С одной стороны, Нерон начал уделять внимание внешней демонстрации своих военных и дипломатических успехов, и в первую очередь старался чаще появляться на публике в роли триумфатора. За возобновлением римских действий в Армении последовало новое римско-парфянское соглашение, по условиям которого парфянский царевич Тиридат признавался правителем Армении, но должен был в присутствии обеих войск сложить перед изваянием императора диадему, с тем чтобы Нерон возложил ее на него в столице империи, что и было сделано (Tac. Ann. XV. 31; Dio Cass. LXII. 23. 3). Фактически новым пунктом в договоре по сравнению с Первым Рандейским соглашением стало только обязательство для Тиридата лично явиться в Рим для получения диадемы, – несомненно, что Нерон придавал большое значение этой символической процедуре, которая должна была выставлять его в победоносном свете. Пышно обставленный визит Тиридата в Рим, произошедший в 66 г., был разрекламирован как блестящая победа. В описании Светония весьма показательно, что Нерон в ходе приема Тиридата был облачен в одежду триумфатора, а в конце посвятил Юпитеру лавры фасц (Suet. Ner. 13), что ранее традиционно делали полководцы, справлявшие триумф. Дион Кассий также подтверждает, что приезд Тиридата в Рим в какой-то мере воспринимался как триумф: он заявляет, что в честь сложения Тиридатом с себя диадемы перед лицом Корбулона и римских воинов «Нерон был неоднократно провозглашен императором и получил триумф, вопреки прецедентам (ὁ Νέρων αὐτοκράτωρ τε πολλὰκις

ἑπεκλήθη, καὶ τὰ ἐπιίκια ἔπεμψε παρὰ τὸ νενομισμένον)» (Dio Cass. LXII. 23. 4). Безусловно, что приезд Тиридата, даже с символическим изъявлением своей покорности, мало напоминал военную победу Рима, но Нероном это мероприятие вполне могло рассматриваться как некая форма триумфа, пусть и далекая от традиционного понимания.

Еще одну «нестандартную» попытку отпраздновать триумф Нерон предпринял год спустя, после своего возвращения из Греции. Как пишет Светоний, «в Рим он въезжал на той колеснице, на которой справлял триумф Август, в пурпурной одежде, в расшитом золотыми звездами плаще, с олимпийским венком на голове и пифийским – в правой руке; впереди несли остальные венки с надписями, где, над кем и в каких трагедиях или песнопениях он одержал победу, позади, как в овации, шли его хлопальщики, крича, что они служат Августу и воинами идут в его триумфе» (Suet. Ner. 25. 1). В таком же духе высказывается и Дион Кассий (Dio Cass. LXIII. 20. 3). Организацией данного действия Нерон стремился перевести свои артистические победы на многочисленных состязаниях в Греции на совершенно иной уровень, представив их как основание для триумфального въезда в Рим [8, с. 288–289].

С другой стороны, помочь укрепить положение императора могло расширение пределов империи, что относилось к числу наиболее славных деяний любого принцепса, независимо от того, сопровождалось оно военными усилиями или нет. Поскольку агрессия Рима в Армении натолкнулась на жесткое сопротивление местного населения и превратить Армянское царство в провинцию не удалось, проще было продемонстрировать римскому обществу территориальные и политические приобретения в других регионах, причем желательно без угрозы втягивания в затяжной военный конфликт, способный вылиться в новое поражение.

Первой жертвой такой политики стал понтийский царь Полемон II, чье царство было аннексировано вместе с Колхидой в 63–64 г. Полемон принял римское решение безропотно: царство было обращено в провинцию с его согласия (Suet. Ner. 18). Очевидных внешнеполитических причин для такого шага со стороны Рима не просматривается, что сделало вопрос о присоединении Понта к провинциальным землям дискуссионным [9, с. 292; 5, р. 562; 10, р. 1178; 11, р. 176; 12, с. 339], и вполне вероятно, что для Нерона это был лишь наиболее легкий способ решения собственных проблем по повышению пошатнувшегося авторитета. Далее, в 66 г. после смерти царя Коттия римским

владением стали Коттийские Альпы, и здесь, как и в отношении Понтийского царства, аннексия была проведена без каких-либо серьезных военных усилий.

То что эти акции Нерона попали в цель, подтверждается более поздними оценками, которые фиксируют достижения императора по увеличению пределов римской державы. Аврелий Виктор, хотя и допускает хронологическую неточность, весьма лестно отзываясь о внешнеполитических мероприятиях Нерона – тот, по его словам, «в первое пятилетие был таким правителем, особенно в отношении расширения границ империи, что Траян с полным основанием часто говорил, что управление всех принцепсов немного уступает этому пятилетию Нерона. За это время он обратил в провинцию Понт с согласия Полемона... а также и Коттийские Альпы после смерти царя Коттия» (De Caes. V. 2-4).

Как раз таки на это время (63–68 гг.) приходят перемены в статусе Боспорского царства, что нашло наиболее яркое отражение в нумизматических источниках. Во-первых, прекращается чеканка статов – последний известный выпуск датируется 359 г. б.э. (62/63 гг. н.э.), причем монограмма царя заменяется монограммой Нерона [2, с. 97]. Данный факт может быть объяснен двояко: либо политическими (умаление статуса Боспора в связи с подготовкой к включению его в состав Империи), либо экономическими причинами (увеличение поборов с боспорского царя) [13, с. 107; 14, с. 187], но в любом случае речь идет об усилении римского нажима на Боспорское царство. Во-вторых, изменяется характер медных выпусков в сторону приближения к провинциально-римской системе: с монет исчезает даже монограмма Котиса, не говоря уже об отсутствии царского изображения, в обращении появляются дупондии и сестерции, причем дупондии чеканились из аурихалка [15, с. 336], который, в отличие от Рима, на Боспоре для производства монет ранее не использовался, и эти перемены также свидетельствуют об усилении римского влияния на Боспор.

Нет сомнений, что столь заметное воздействие Рима на боспорское монетное дело отражало определенные перемены в политическом статусе Боспора, которые оказались не зафиксированы в дошедших до нас нарративных и эпиграфических данных по причине их крайней скудости. Именно данное обстоятельство и не позволяет однозначно решить вопрос о том, в каком положении находился Боспор по отношению к Риму в последние годы правления Нерона. В любом случае оценка эволюции поли-

тического статуса Боспорского царства как приближение к провинциальному положению общепризнанно, и разброс исследовательских мнений простирается лишь от предположения о превращении Боспора в провинцию подобно Понтийскому царству [16, с. 111; 17, с. 65; 18, с. 143] до более осторожного суждения о том, что Нерон планировал, но не успел это осуществить [19, с. 233; 20, с. 30; 21, с. 14; 22, с. 47; 23, с. 16].

Из представленной альтернативы более правдоподобным кажется все же второе предположение, и в качестве основного аргумента можно использовать полное молчание римских авторов относительно столь значимого события, как образование новой провинции, представляется маловероятным, чтобы это могло остаться незамеченным. Что касается оценки возможных планов Нерона, то, разумеется, говорить о них можно только с большой долей осторожности, однако общий анализ военно-политической ситуации на востоке Римской империи и известные факты позволяют попытаться хотя бы отчасти их реконструировать.

Краеугольным камнем в цепочке рассуждений должно стать замечание о резком росте военно-политической активности Рима в причерноморских областях в последние годы принципата Нерона. Кроме уже упоминавшихся фактов, необходимо отметить военные кампании, которые там велись или готовились.

С одной стороны, в Западном и Северном Причерноморье действовал римский полководец Т. Плавтий Сильван, отчет о деяниях которого сохранился в его эпитафии (Corpus Inscriptionum Latinarum. XIV. 3608). Согласно надписи Плавтий Сильван перевел более 100 тыс. дунайских жителей с их женами, детьми и царями в Мезию с тем, чтобы они выплачивали налоги, подавил начавшееся волнение среди сарматов (хотя большую часть войска отослал в Армению), ранее неизвестных или враждебных римскому народу царей заставил впредь поклоняться римским знаменам, отослал царям бастарнов и роксоланов их захваченных в плен или вырванных из рук врагов сыновей, от некоторых из них принял заложников, заставил скифского царя снять осаду с Херсонеса. Результатом деятельности Плавтия Сильвана за время пребывания на должности наместника стало расширение сферы римского влияния на левобережье Дуная. Среди прочих заслуг Плавтия Сильвана упоминается римская экспедиция на помощь херсонеситам, и этот поход чаще всего датируется около 63 г. [24, с. 61–62; 25, с. 54; 26, с. 23; 27, с. 115; 28, с. 105; 29, с. 160; 30, с. 457]. Не исключено, что в рамках данного похода

помощь была оказана еще одному греческому полису в Северном Причерноморье – Ольвии, свидетельством чего может быть Мангупская надпись [31, с. 167–168; 32, с. 218–219], хотя ее состояние не позволяет с уверенностью определить место упоминаемых в ней событий в политической истории города.

С другой стороны, одним из последних проектов Нерона была организация кавказского похода, который, впрочем, так и не состоялся. Против кого планировалась данная экспедиция и какие цели преследовал Нерон – вопросы дискуссионные, однако известные нам сведения не позволяют утверждать, что поход был вызван какими-либо серьезными военно-политическими проблемами на восточных границах Римской империи, которые нельзя было урегулировать иначе, чем с помощью вооруженной силы.

Судя по всему, для Нерона наиболее важна была возможность предстать перед римлянами в качестве победоносного императора, приведшего к покорности отдаленные народы и расширившего пределы римской державы. Предшественники Нерона на престоле – Калигула и Клавдий, хотя и в малой степени интересовались военной сферой, все же пытались приобрести статус триумфаторов: первый участвовал в германском походе, который превратился по сути в фарс, но был ознаменован овацией (Suet. Calig. 48), а Клавдий с большой пышностью отпраздновал британский триумф (Suet. Claud. 17), несмотря на то, что его личная роль в завоевании Британии была весьма незначительна. Поэтому для Нерона принципиальным было только получение поводов для празднования своих побед, что должно было укрепить его положение. Достижение успеха в восточном походе позволило бы превратить все припонтийские области, включая греческие центры Северного Причерноморья и кавказский регион, в римские владения и таким образом сделать Понт внутренним для Римской державы морем [33, с. 95; 34, с. 359, 365], что, конечно же, открыло бы императора неуязвимой славой.

Вместе с тем Нерон должен был учитывать возможность неудачного расклада событий на Кавказе, и вполне возможно, что даже в случае отсутствия военных побед он надеялся на то, что путем объявления Боспора провинцией в ходе своего пребывания на Востоке он обеспечит походу внешне победоносный характер. Ощутимых препятствий для ликвидации независимого статуса Боспорского государства не было, поскольку Котис, как и ранее Полемон, не стал бы сопротивляться римлянам, и изменения в боспорском монетном деле показывают,

что статус Боспора уже начал приближаться к провинциальному. Оставалось последнее действие – публичное объявление о судьбе Боспорского царства, и можно предположить, что эту почетную для себя акцию Нерон приберег на время своего пребывания в восточной части Римской империи.

Таким образом, в последние годы правления Нерона Боспорское царство было как никогда близко к утрате своей государственности, что могло рассматриваться императором как средство решения собственных проблем по укреплению положения на троне, однако смерть Нерона сорвала эти замыслы и позволила Боспору продолжить свое существование в качестве самостоятельного государства, пусть и под сохранявшимся римским влиянием.

Список литературы

1. Braund D.C. Rome and the Friendly King: the character of the client kingship. L. Canberra, 1984. 226 p.
2. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. 184 с.
3. Яйленко В.П. Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990. С. 128–215.
4. Ростовцев М.И. Исследования по истории Скифии и Боспорского царства. Глава IV. Государство и культура Боспорского царства // ВДИ. 1989. № 3. С. 184–203.
5. Magie D. Roman rule in Asia Minor. Princeton; N. J., 1950. 723 p.
6. Косыке Ф.Я. Поход Пета в Армению и поражение римской армии при Рандеие (из истории борьбы армянского народа с римской агрессией) // Из истории Древнего Рима. М., 1960. С. 80–92.
7. Gruen E.S. The expansion of the Empire under Augustus // The Cambridge Ancient History. Vol. 10. Cambridge, 1996. P. 147–197.
8. Грант М. Нерон. Владыка земного ада. М., 2003. 333 с.
9. Халатьянц Г. Очерк истории Армении в связи с общим ходом событий в Передней Азии. Период I: древняя история. М., 1910. 360 с.
10. Mittford T.B. Cappadocia and Armenia Minor: Historical Setting of the Lime s// Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Bd. 7. 2. Berlin; N. Y., 1980. P. 1169–1228.
11. Braund D. Georgia in antiquity. A history of Colchis and Transcaucasian Iberia 550 BC – AD 562. Oxford, 1994. 359 p.
12. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996. 350 с.
13. Зубарь В.М. О некоторых особенностях денежного обращения Боспора в первые века н.э. // Античный мир. Белгород, 1999. С. 104–111.

14. Зубарь В.М., Русяева А.С. На берегах Боспора Киммерийского. Киев, 2004. 239 с.
15. Смекалова Т.Н. Боспор в сфере влияния Римской империи (по данным о составе монетных сплавов) // Древности Боспора. Т. 4. М., 2001. С. 324–349.
16. Латышев В.В. Краткий очерк истории Боспорского царства// ПОНТИКА. Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережье Черного моря. СПб., 1909. С. 60–128.
17. Болтунова (Амиранашвили) А.И. Восстание Аникета // ВДИ. 1939. № 2. С. 57–67.
18. Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. 254 с.
19. Гриневиц К.Э. Херсонес и Рим // ВДИ. 1947. № 2. С. 228–237.
20. Гайдукевич В.Ф. Боспорские города в свете археологических исследований последних двух десятилетий // Археология и история Боспора. Симферополь, 1952. С. 19–42.
21. Горемыкина В.И. Политические взаимоотношения Боспора с Римом в первые века н.э. // Ученые записки Могилевского государственного педагогического института. Вып. III. Минск, 1956. С. 3–24.
22. Фролова Н.А. Монетное дело Рискупорида II // Нумизматика и эпиграфика. Т. VII. М., 1968. С. 43–67.
23. Цветаева Г.А. Боспор и Рим. М., 1979. 136 с.
24. Кадеев В.И. Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н.э. – III в. н.э. // ВДИ. 1979. № 2. С. 55–76.
25. Шелов Д.Б. Римляне в Северном Причерноморье во II в. н.э. // ВДИ. 1981. № 4. С. 52–63.
26. Сон Н.А. Тира римского времени. Киев, 1993. 156 с.
27. Авдеев А.Г. О времени пребывания подразделений V Македонского легиона в Херсонесе // ВДИ. 1993. № 2. С. 112–122.
28. Пуздровский А.Е. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э. // ВДИ. 2001. № 3. С. 86–118.
29. Зубарь В.М. Еще раз о походе легата Мезии Тиберия Плавтия Сильвана в Таврику // Исседон. Алманах по древней истории и культуре. Т. II. Екатеринбург, 2003. С. 155–170.
30. Лысенко Н.Н. Военно-политическая история аланов. Ранний период: II в. до н.э. – II в. н.э. СПб., 2007. 648 с.
31. Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 151–170.
32. Зубарь В.М. Ольвия, сарматы и Рим во второй половине I в. // ВДИ. 1994. № 3. С. 218–222.
33. Кудрявцев О.В. Восточная политика Римской империи в начале правления Нерона // ВДИ. 1948. № 2. С. 83–95.
34. Сизек Э. Нерон. Ростов-на-Дону, 1998. 448 с.

NERO AND THE LEGAL STATUS OF BOSPORUS IN THE ROMAN-BOSPORAN RELATIONS

A.R. Panov

The article presents an analysis of the Bosporan Kingdom's legal status during Nero's principate. According to the numismatic data, the legal status of the Bosporan Kingdom started to get closer to that of a province since 63 A.D. as a result of the Roman influence. The author believes that maintaining personal authority by means of some achievements in foreign policy became Nero's main goal in the last years of his reign, therefore Rome's policy in the East became more active. The expansion of the Roman power would strengthen the position of the emperor in Rome, and the Bosporan Kingdom was to fall victim of this policy. The author assumes that Bosporus had to be turned into a Roman province during Nero's Eastern campaign which never happened, thus ensuring the preservation of the Bosporan Kingdom.

Keywords: Roman Empire, Bosporan Kingdom, Nero, Cotys.